

МАЙ 1985 ГОДА

Начало
антиалкогольной
кампании в СССР«Еще вчера не было пива, а уже
сегодня не было кваса, и было
важно, чего именно нет»

Лев Рубинштейн

ГЛАВНАЯ особенность 1980-х годов — в том, что их не было как какого-то цельного, содержательного десятилетия. Первая половина — это было продолжение 1970-х, а вторая уже примыкает к 1990-м. Как раз в середине началась борьба с пьянством, и она, как и все это время, воспринималась двойственно. Поначалу все считали, что получится как всегда — поговорят и забудут. Но тут вдруг действительно начались запреты. Разумеется, появилось много анекдотов и шуток про Горбачева: «минеральный секретарь», «генсок» и так далее. Один мой приятель говорил: «Ну теперь власть можно свергать силами пожилых невооруженных евреев». В общем, не сильно ошибся — на несколько лет.

В Москве стали закрываться привычные пивные ларьки, которые стояли у метро. Я тогда служил рядом с «Таганской», там был такой традиционный пивняк — не павильон, а именно ларек, где зимой продавали подогретое пиво. Там всегда по утрам толклись одни и те же жаждающие мужчины и женщины, а я иногда с работы бегал с электрическим чайником. И вот однажды я увидел на этом ларьке под вывеской «Пиво», на окошке, табличку «Пива нет». На следующее утро я опять шел мимо этого киоска. На вывеске уже было написано «Квас», а табличка на веревочке извещала, что кваса нет. То есть еще вчера не было пива, а уже сегодня не было кваса, и было важно, чего именно нет.

Потом начались разговоры о том, как вырубали виноградники в Грузии, Крыму, Молдавии — и это была уже совершенная гуманитарная катастрофа. Просто они решили вообще истребить винопитие и водкопитие. В магазинах еще продавали, но мало, и надо было выстоять огромные очереди, обязательно имея при себе пустую тару. И, по моим наблюдениям, эта километровая несанкционированная очередь была местом свободы, она оказалась прообразом демократических митингов, которые возникли несколько лет спустя. В этой очереди стояли люди обозленные, люди, мягко говоря, крити-

чески относящиеся к власти и ничего не стеснявшиеся. Что-то сменилось в социальном коде, потому что до этого момента как антропологическая основа режима, как среднестатистический советский человек воспринимался такой пьяноватый мужичок в сползшей шапке. И вдруг он стал едва ли не врагом режима — на него стала косо смотреть милиция, а в нашей среде он стал вызывать некоторое сочувствие как человек фрондирующий. У нас был общий враг. О том, что коммунисты — гады, это очередь открыто говорила. Правда, там простой дискурс воспроизводился: виноваты Горбачев и Райка, жена, которая на него как-то влияет. В нашем кругу Горбачева тогда воспринимали как человека, который идиотическим способом хочет что-то поправить. Проблема пьянства была тяжелой, но, во-первых, на количество пьяных никакие меры не повлияли — как лежали на улицах, так и продолжали лежать; во-вторых, существовали алкоголики, с диагнозом — вот им очень плохо приходилось. Человек просто пьющий, как я, мог один день выпить, другой — не выпить. А эти травились, принимали все, что возможно. Тогда еще появился анекдот, как человек пришел в магазин и говорит: мне три флакона одеклона. Ему дали три флакона одеклона. Говорит: этот мне поменяйте, этикетка перекосилась. Ему: какая вам разница, что перекосилась? Он говорит: вам не разница, а мне на стол ставить. Но при всех шутках была масса драматических историй — и не только связанных с отравлениями. Меня это тоже коснулось. Моя мама умерла 28 декабря 1987 года, под самый Новый год. Мы со старшим братом в поисках, что поставить на стол на поминках, подняли, как говорится, все военно-воздушные силы. Потребовалась даже справка из ЗАГСа, где оформлялась смерть. С этой справкой надо

было пойти в какой-то гастроном — не просто в гастроном, а к директору, который разрешал или не разрешал. Но тут все совпало с предновогодним спросом, и нам не то что отказали — просто сказали, что нету, хотя мы видели ящики, которые стояли чуть ли не в кабинете. Мы говорим: а это? «А это вас не касается, это новогодние заказы». Но достали в итоге, конечно.

То, что сначала воспринималось только как анекдот, стало восприниматься как репрессии, ущемление прав. При этом одновременно с активной пропагандой трезвости начались серьезные послабления в области культурной жизни. Мол, пить не пейте, а в клубах веселитесь, где-то можно стало выступать и читать стихи или проводить выставки неофициальных художников. Больше того, начавшийся публикаторский бум даже стал в каком-то роде частью антиалкогольной кампании: в журнале «Трезвость и культура» первым делом опубликовали поэму Ерофеева «Москва — Петушки» как сатиру на пьянство и алкоголизм. Параллельно придворные поэты начали сочинять стихи про трезвость. Вознесенский написал стихотворение, которое заканчивалось «Протрезвевшая Россия — ясноглазая страна», — но он, конечно, вкладывал в него еще некоторый дополнительный иронический смысл, поэты его круга вообще любили двойные значения слов. Всякие писатели-деревенщики были искренними адептами трезвого образа жизни, потому что сами чуть ли не все были завязавшие алкоголики. Но они вносили в это идеологический элемент — сообщали обществу, кто его споил и с какой целью. В то же время знаменитый академик Углов выступал с циклом лекций про то, что масоны со времен Алексея Михайловича уничтожают русский генофонд с помощью алкоголя. И не только водки, вина и пива, но и кефира. В общем, не было сферы, которой эта кампания не затронула: политика, быт, культура, наука, экономика, которую немощно разрушили. Помню какое-то застолье, куда кто-то все-таки притащил бутылку коньяку. Мы, конечно, пили дозированно, потому что бутылка была одна. Присутствовавший там мой друг Дмитрий Александрович Пригов, который был известен тем, что не пил, вдруг сказал: и мне, что ли, налейте. Я ему: «Дмитрий Александрович, вы же не пьете». Он сказал: «Что я, конформист, что ли?».

Записал Андрей Борзенко

7 мая 1985 года

принято постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», которое, в частности, предписывало «продажу винно-водочных изделий в рабочие дни производить с 14 часов», «не допускать, чтобы в театры, кино, теле- и радиопередачи, художественные произведения проникали мотивы, пропагандирующие выпивки, застолья».

16 мая 1985 года

принят указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонарения», регулирующий, помимо прочего, ответственность за распитие спиртного в общественных местах и на производстве (до 15 суток), вовлечение несовершеннолетних в пьянство (до 5 лет), самогонование (до 5 лет).

13 мая 1986 года

образовано Всероссийское добровольное общество борьбы за трезвость. За годы кампании в общество вступило более трех миллионов человек.

25 октября 1988 года

постановление ЦК КПСС констатирует «перегибы», допущенные в борьбе за трезвость. Кампания на этом заканчивается.